

Гость «ВК»

И каким бы ты ни был взрослым и многосемейным, каким бы гением постмодернизма ты себя ни мнил и как бы собой ни кичился, но, когда приходишь брать интервью у Сергея Михалкова, вдруг обнаруживаешь себя маленьким мальчиком, которому впервые в жизни прочли «Дядю Степу».

— Сергей Владимирович, Алексей Крученых в свое время собрал множество литературных автографов и документов и объединил их в альбомы. Есть альбом, посвященный вам, который теперь хранится в ЦГАЛИ. И в нем есть примечательное письмо-отзыв Юрия Олеши на ваши стихи, которые вы принесли ему в 25-м году в «Гудок».

— Я должен сказать, что это не совсем точно. Мне тогда было 12 лет, поэтому стихов я никуда не носил, а их послал мой отец. И не Юрию Олеше, а Александру Безыменскому. Он прочел их и ответил, посоветовав учиться и работать. И поддержал меня.

А с Олешей я познакомился, когда уже был писателем, — в 30-е годы. Между нами установились хорошие отношения. Правда, в гости друг к другу мы не ходили, но, когда встречались, были рады друг другу. Он часто сидел и работал в кафе «Националь». Приходил туда, выпивал рюмочку коньяка, общался с писателями, там часто собирались люди, близкие к Олеше: А. Никулин, В. Стенин... И я тоже там с

архивах. И своими предками я могу гордиться, потому что все они служили Отечеству: участвовали и в боях 12-го года, и в Крымской кампании, были воеводами. Они много сделали для Отечества, за что Отечество их наградило военными орденами и иными почестями.

Я же никаких титулов не имел и не имею. И не стремлюсь их иметь. Я от этого движения в стороне, ни в какие дворянские собрания не вступаю. Потому что не считаю это нужным.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о предках?

— Один из моих предков был Первым Поостельничим у царя Михаила Федоровича — он был его четвероюродным братом. Один из предков был воеводой, он получил грамоту от князя Пожарского за то, что во время смуты не изменил России. Как говорится в грамоте: «за московское сидение и за то, что не покривил». Помимо грамоты, ему была дана и вотчина.

Один предок, Дмитрий Васильевич, 42 года прослужил в армии. Он участвовал во многих походах, был тяжело ранен, но службы не оставил. Об этом свидетель-

А другие еще не выросли для того, чтобы меня особенно радовать. Они учатся в школе, в институтах.

— Навещаете ли вы сына в Америке?

— Нет. Да он и сам-то там не живет, а только снимает картины. Он не имеет возможности жить в Америке, там надо платить очень большие налоги. У него нет постоянного места жительства, где бы он жил со своей семьей. Когда он снимает кино, то живет в гостинице, которую ему оплачивает его студия, его продюсер.

— Сложно ли вам было работать над гимном СССР?

— Тут особенно много говорить нечего. Был конкурс, в котором участвовали все поэты Советского Союза, всех национальностей. И мы с приятелем приняли участие в нем. Послали свой первый вариант Шостаковичу. Он ему понравился, сочинил музыку. Потом обсуждали все музыки и все тексты. И в конце концов правительство остановилось на нашем тексте. А потом мы уже вносили поправки согласно указаниям партийного руководства и, в частности, Сталина.

Сергей МИХАЛКОВ:

Восп. кнуж. - 1993 - 5-январь - с. 4

"У всех вождей были внуки, которым они читали мои книги"

ним встречался и беседовал. Иногда он просил денег в долг — у него не хватало, больших заработков не было.

Что же касается Алексея Крученых, то он часто приходил ко мне домой. Это была живая биография русской современной поэзии — друг Маяковского, человек с большой литературной биографией. Он приходил ко мне с толстым портфелем, в котором у него было много книг, автографов, собранных у знакомых. Он брал автографы и у меня, просил подписывать какие-то мои книжки.

— Могли бы вы кого-то назвать своим учителем?

— Ну, конечно, я больше всего прислушивался к мнению Самуила Яковлевича Маршак. Он приглашал меня к себе домой, где я читал ему стихи.

Критические замечания и пожелания я с большим уважением выслушивал и от Корнея Чуковского, и от Алексея Толстого, и от Александра Фадеева, который первый написал про меня статью в «Правде» — в 38-м году.

Алексей Толстой дружил с отцом моей жены. И мы с женой часто приходили к нему в гости. Встречались с ним и у Кончаловских. Бывали вместе в ресторане «Арагви». И за столом вели беседы. Кстати, он мне посоветовал попробовать свои силы в жанре басни. А с Фадеевым мы встречались в Союзе писателей. Ездил с ним и на охоту на 2—3 дня.

— И на кого вы охотились?

— Так же, как и все охотники в средней полосе России, весной ходили на утиную тягу, зимой охотились на лося.

— Сергей Владимирович, у вас дворянские корни. Как вы относитесь к нынешнему движению, связанному с восстановлением дворянских титулов?

— Да, действительно мои дворянские корни уходят очень далеко — в XV век. Все документы сохранены и находятся в государственных

статую грамоты, имеющиеся в архивах.

А мой прадед был одним из выдающихся русских библиофилов, у него была одна из самых больших частных библиотек. Она была им завещана после смерти Российской академии наук, где сейчас и находится, в Санкт-Петербурге. Об этой библиотеке написано много научных работ, опубликованных в соответствующих сборниках.

Столетие моего отца справляли в Академии имени Тимирязева, поскольку он был одним из основоположников советского промышленного птицеводства. Написал на эту тему много работ. В 25-м году вышла его первая книжечка «Что надо знать крестьянину-птицеводу». Я ходил по деревням и продавал ее. Отец писал свои книги и занимался организацией птицеводческого хозяйства на Северном Кавказе, где его очень чтит. Потом его пригласили профессором в Воронежский сельхозинститут. Он кафедру принял, но не заступил на нее, потому что умер в 32-м году сорока шести лет от роду от крупозного воспаления легких.

— Ваши дети — люди, крепко стоящие на ногах, сказавшие свое слово в искусстве. А внуки, радуют ли они вас?

— Понимаете, внуков много. Двое старших уже работают. Один работает в кино — делает клипы. Его клипы показывают на конкурсах, по телевидению. Он отслужил морским пограничником, рядовым, прошел довольно трудную школу. Потом окончил высшие режиссерские курсы. И пошел по стопам отца — Никиты.

Внук от старшего сына радует меня тем, что он образованный человек. Он учится в Кембридже на философском факультете. Свободно пишет работы по философии на английском языке. Часто бывает в Москве — раза три в году — и проводит тут 2—3 недели. Ему 26 лет.

— Вы с ним непосредственно общались?

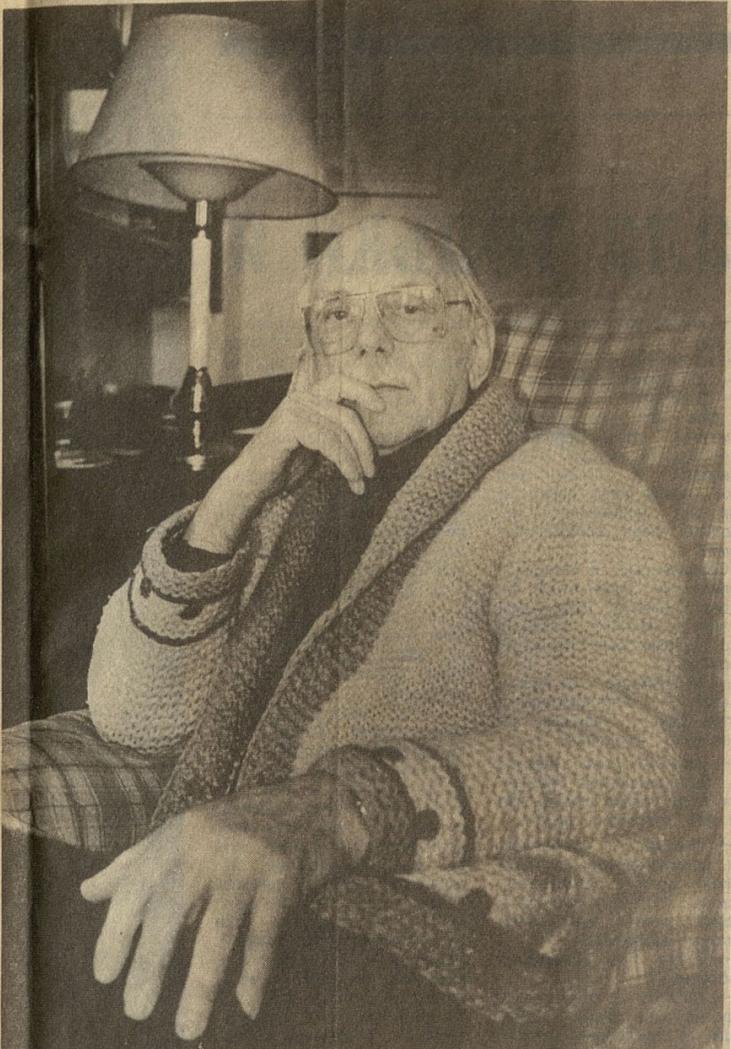
— Общался и с ним, и с другими членами правительства. Как же было не общаться, если мы победили в конкурсе? Мне тогда было 30 лет, я был майором действующей армии.

— А в дальнейшем, с Хрущевым, с Брежневым?..

— Со всеми с ними у меня были отношения, потому что я же был председателем Союза писателей России. И по многим вопросам обращался к ним лично. Там, где надо было о чем-то просить, я просил, где надо было уговоривать — уговаривал, где надо было защищаться — защищался. Хлопотал за детскую литературу, за детский театр, за его актеров, за издательство. И там, где другие товарищи из руководства не обращали на все это внимания, руководители — Хрущев, Брежнев, Черненко — давали конкретную помощь. Они все меня хорошо знали, потому что у всех были внуки, которым они мои книжки читали. Сядет внук дедушке на колени, и дедушка ему читает. Ну как меня было не принять? Так что принимали и относились уважительно. Но иногда, конечно, и ругали за что-нибудь.

— С кем было проще общаться, с кем сложнее?

— Вы знаете, к каждому человеку надо иметь свой подход. Если его нашел, то общаться просто. Мне было сложно только с одним человеком — с Суловым. К нему никакого подхода не было. Он был чрезвычайно сухой и неконтактный человек. Я бы сказал, нелюдимый. Не зря его называли «серым кардиналом». Но я общался с ним, и он относился ко мне достаточно лояльно. И все писатели, которых я по должности представлял к наградам, т. е. представлял списки на подпись, эти награды получали. А без него не проходило ни одно писательское награждение, ни одно выдвижение.

улица, и нравственные проблемы, и школа. И все они требуют рассмотрения. Но очень сложно с авторами. Авторы сейчас избалованны, для них 3—4 тысячи, сверх которых мы не можем платить, это ничто. Актеры тоже. Раньше, когда актеру платили 3 тысячи за съемочный день, он был доволен. А теперь в другом месте ему платят по 10 тысяч. Поэтому у нас снимаются просто ради уважения ко мне и к «Фитилю». Это, можно сказать, благотворительная игра.

— Что вы теперь читаете?

— Прочитал Андрея Битова и прекрасного поэта Николая Тряпкина. Читаю «Иностранную литературу» — интересные детские стихи, сейчас печатается книжка этих стихов. Готовлю старые книжки для переиздания. Вы знаете, они и сейчас, спустя 50 лет, нужны читателю. Например, в 90-м году в издательстве «Малыш» переиздана книжка «Я тоже был маленьким», которая стоила 2 руб. 60 коп. Сейчас на улице ее продают по 370 рублей. И покупают. Значит, кому-то она нужна.

— Вы не сталкиваетесь с издательским пиратством?

— Да, к сожалению, это есть. Московские кооператоры, правда, более или менее интеллигентно обращаются с авторами — заключают договоры, платят деньги. Но на периферии очень часто издают, не сообщая об этом и не выплачивая гонорара. А одно издательство в Казани, другое в Сочи хоть и заключили со мной договоры, но тоже не заплатили и не сообщили о том, что книжки вышли. Они и адресов-то своих не оставили. Да и деньги-то обещали копейные — 25 тысяч. Что такое сейчас 25 тысяч? Одна пара туфель... Так что пиратство сейчас процветает, и с ним бороться очень трудно.

— А «Фитиль» сейчас продолжается?

— Да, дымит еще. Скорее, коптит или тлеет. Но выходит каждый месяц. И на будущий год мы снова заключили договор с Госкино. Они обещают «Фитиль» не закрывать и поддерживать. Мы же дохода не приносим, а каждый номер стоит 3 миллиона рублей. Так что я не знаю, будут ли субсидировать наше издание в дальнейшем. Как получится.

— Какие проблемы вы рассматриваете в «Фитиле»?

— Сейчас проблем до черта. Вся наша жизнь дает много тем: и экономика, и

Беседовал Владимир ТУЧКОВ.

Фото Владимира СУВОРОВА.

Авторы гимна СССР Г. Эль-Регистан, А. Александров и С. Михалков.

Сережа Михалков, 1915 год.

Никита и Андрон. Фото из семейного архива.